

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH164969-981>

Хабутдинов Айдар Юрьевич,
д.и.н., профессор
Казанский филиал Российского государственного университета правосудия,
Институт международных отношений
Казанский федеральный университет, Казань, Россия
aihabutdinov@mail.ru

Имашева Марина Маратовна,
д.и.н., доцент
Институт международных отношений
Казанский федеральный университет, Казань, Россия
imaschewa@yandex.ru

ЛИДЕРЫ МУСУЛЬМАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ОБ ОСНОВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОПРОСАХ НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация: В статье, на основе широкого круга документов, предпринята попытка анализа взаимодействия лидеров российского мусульманского общественного движения по основным политическим вопросам двух ключевых регионов: Волго-Уральского и Кавказа, в начале XX века. Речь идет о сотрудничестве лидеров мусульманского движения в рассмотрении вопросов о моделях государственности и автономии и земельном. Рассмотрено взаимодействие мусульман Волго-Уральского региона и Кавказа в рамках деятельности партии «Иттифак аль-муслимин», мусульманской фракции имперской Государственной Думы четырех созывов, в период революционных событий 1917 г. и Гражданской войны.

Источниковой базой исследования являются законопроекты, законодательные источники, программы партий и фракций, делопроизводственные материалы, стенографические отчеты заседаний Государственной Думы всех четырех созывов и мусульманских съездов, статьи из мусульманской прессы той эпохи. Методологически статья построена на систематизации, классификации и анализе указанных документов. Для сопоставления фактов и событий, связанных с деятельностью лидеров мусульманского движения Российской империи начала XX века и определения их роли в истории взаимодействия мусульман Волго-Уральского региона и Кавказа был применен принятый в отечественной науке сравнительно-исторический метод. Сделаны выводы о том, что, во-первых, во главе общественного движения мусульман Российской империи стояла экономическая и интеллектуальная элита татарского и азербайджанского народов. Во-вторых, главными вопросами, стоявшими перед мусульманскими политиками России в начале XX в. были вопросы о форме государственного устройства и автономии мусульман и земельный. В-третьих, политическое сотрудничество лидеров мусульман Волго-Уральского региона и Кавказа в начале XX века привело к созданию всероссийской мусульманской партии «Иттифак аль-Муслимин», мусульманской фракции Государственной Думы, созывам общероссийских мусульманских съездов.

Ключевые слова: мусульмане, Волго-Уральский регион, Кавказ, национальный вопрос, аграрный вопрос, государственное устройство, общественно-политическое движение, революция.

© Хабутдинов А.Ю., Имашева М.М., 2020

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH164969-981>

Aydar Y. Khabutdinov,
D.Sc. (History), Professor
Kazan branch of the Russian State University of Justice,
Institute of international relations
Kazan Federal University, Kazan, Russia
aihabutdinov@mail.ru

Marina M. Imasheva,
D.Sc. (History), Associate Professor
Institute of international relations
Kazan Federal University, Kazan, Russia
imaschewa@yandex.ru

LEADERS OF THE MUSLIM MOVEMENT OF THE RUSSIAN EMPIRE ON THE MAJOR POLITICAL ISSUES OF THE EARLY 20TH CENTURY

Abstract. Based on a wide range of documents, the paper attempts to analyze interactions of leaders of the Russian Muslim social movement on the main political issues in two key areas of the early 20th century: Volga-Ural region and the Caucasus. The issue under study is the collaboration of the leaders of the Muslim movement regarding models of statehood and autonomy. Interactions of Muslims of Volga-Ural region and the Caucasus within the framework of activity of “Ittifaq al-Muslimin” party, Muslim faction of the imperial State Duma of four sessions during the revolution events of 1917 and the Civil War is considered.

The source base for the study consists of bills, legislative sources, programs of parties and factions, record keeping materials, verbatim records of meetings of the State Duma of all four sessions and Muslim congresses, articles from the Muslim press of that period. Methodologically, the article is based on the systematization, classification and analysis of these documents. To compare the facts and events related to the activities of the leaders of the Muslim movement of the Russian Empire at the beginning of the 20th century and determine their role in the history of interaction between Muslims of the Volga-Ural region and the Caucasus, the comparative-historical method adopted in domestic science is applied. The authors conclude that, firstly, the economic and intellectual elites of the Tatar and Azerbaijani peoples were in charge of the social movement of Muslims of the Russian Empire. Secondly, the main issues facing the Muslim politicians of Russia at the beginning of the 20th century were regarding the form of government and the autonomy of Muslims and the land one. Thirdly, the political collaboration between the leaders of the Muslims of the Volga-Ural region and the Caucasus at the beginning of the 20th century led to the creation of the All-Russian Muslim Party "Ittifaq al-Muslimin", the Muslim faction of the State Duma, and the session of all-Russian Muslim congresses.

Keywords: Muslims; Volga-Ural Region; Caucasus; national question; agrarian question; state organization; social-political movement; revolution.

© A.Y. Khabutdinov, M.M.Imasheva, 2020

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

Начало XX века в Российской империи часто определяют, как «эпоху войн и революций». Действительно, в течении первых двух десятилетий этого века, огромная страна пережила целый ряд глобальных событий, которые кардинально повернули вектор ее исторического развития. Первая русская революция 1905–1907 гг. «разбудила» все социальные, этнические и конфессиональные группы в стране. В этот период организационно оформились ведущие политические партии и движения, одним из которых стало мусульманское общественно-политическое движение.

Летом 1905 г. в Нижнем Новгороде прошел учредительный первый съезд всероссийской мусульманской партии «Иттифак аль-Муслимин». Затем, в 1906–1907 гг. состоялось еще два съезда, на которых были сформулированы проблемы, стоявшие перед мусульманским сообществом Российской империи, принята программа партии. Лидерами общественного движения мусульман в тот период стали татары Волго-Уральского региона и представители Кавказа, сформировавшие самую деятельную часть мусульманской фракции Государственной Думы всех четырех имперских созывов. Именно они задавали тон и в Думе, и в последующем в обсуждении ключевых вопросов: о моделях автономии и государственности, и, конечно, земельном. А также воплотили их на практике в 1917–1920-гг. в проектах Идель-Урал Штата, Азербайджанской Демократической и Горской республик.

Процесс создания национальных автономий и государств у мусульманских народов Российской империи в начале прошлого века носил постепенный характер. При этом единства в определении формы предполагаемого устройства в концепциях мусульманских лидеров не существовало. Обсуждались три формы: религиозной, национально-культурной и территориальной автономий. Каждая из них поддерживалась конкретными политическими силами, имела и своих противников. При этом любая из этих форм до 1917–1918 гг. была тесно связана с развитием общеполитического процесса в Российской империи в части расширения прав граждан, этнических групп и регионов.

Впервые данная проблема оказалась на политической повестке дня в годы первой русской революции. В округе ОМДС (Оренбургское магометанское духовное собрание) все явственнее звучали запросы о необходимости расширения прав мусульман и создания новой формы религиозной автономии с широким спектром гарантированных государством прав. В Волго-Уральском регионе в 1905 г. в качестве возможной модели такой автономии рассматривался правовой статус Закавказского мусульманского духовенства суннитского учения.

10–15 апреля 1905 г. прошло совещание «Голяма жэмгыяте» («Общества улемов»), инициировало которое ОМДС в г. Уфе. Председателем собрания стал сам муфтий Мухамедъяр Султанов. Это совещание было инициировано председателем Кабинета министров С.Ю. Витте, который хотел получить официальные авторитетные сведения (оформленные в доклад на Высочайшее имя) по проблемам мусульманской общины [1, с. 154–159].

В заседаниях совещания приняли участие улемы, мударрисы, ахуны, мугаллимы – мусульманская элита практически со всех регионов, входивших в состав ОМДС. И здесь впервые муфтий М. Сыртланов предложил в качестве образца предполагаемой реформы ОМДС Высочайше утвержденное положение об управлении Закавказского мусульманского духовенства от 5 апреля 1872 г., (входившее в Свод законов Российской империи), которое было включено в 11 том (Ч.1) «Свода учреждений и уставов Управления Духовных Дел иностранных исповеданий Христианских и иноверных (Издание 1896 г.) [2, с. 190–254].

В качестве предполагаемого образца реформы М. Султанов на заседании совещания предложил Третий раздел закона (Об управлении Закавказского Мусульманского духовенства шиитского и суннитского вероисповеданий), который входил в Шестую книгу «Об управлении духовных дел магометан». Основное внимание было уделено ст. 1558–1672, которые составляли Вторую главу документа: «Об управлении Закавказского Мусульманского духовенства Суннитского учения» [3, с. 16–17].

Казый (кадий) ОМДС Ризаэтдин Фахретдин (будущий муфтий в 1923–1936 гг.) сделал основной доклад на совещании. Согласно его тезисам: 1) в Российской империи необходимо создать должность Шейх-уль-Ислама, который будет общепризнанным лидером мусульман в масштабах всего государства; 2) выборы Шейх-уль-ислама должны осуществляться самими мусульманами на альтернативной основе; 3) Шейх-уль-ислам возглавляет единый для всех мусульманских регионов орган – Собрание (Управление), которое находится в столице империи – Санкт-Петербурге; 4) Собрание состоит из казыев-улемов.

Также Р. Фахретдин считал, что в состав Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) Министерства внутренних дел в качестве консультантов должны войти представители всех правовых школ (мазхабов) ислама, распространенных в империи. В регионах с большим количеством мусульман Риза казый предложил создать губернские мусульманские управления, подобные тем, которые уже существовали в Закавказье [3, с. 39–41].

То, что в качестве образца были взяты Закавказские духовные управления мусульман (суннитское и шиитское), не случайно. Утвержденные в 1872 г., к началу XX в. они уже успели продемонстрировать свою состоятельность и эффективность. В действительности, по Положению 1872 г. сложилась достаточно стройная трехуровневая система управления: низовая ступень была представлена приходским духовенством; средняя ступень – губернскими меджлисами в составе казия – председателя и двух членов из числа наиболее почитаемых мул; высшая ступень – это Духовное правление в составе Муфтия – председателя и трех членов из числа казыев [4, с. 235–244].

К сожалению, проект, предложенный и одобренный лидерами ОМДС так и остался на бумаге и не был реализован, никаких реальных шагов на пути расширения прав и российских мусульман и создания религиозной автономии российское правительство не предприняло.

Тот факт, что в качестве образца устройства автономии в Волго-Уральском регионе было взято Положение о Закавказском духовном управлении, не случаен. К началу XX в. казанские татары, которые составляли главную «движущую силу» мусульманского общественного движения (в количественном и экономическом отношении) в стране, по достоинству оценили экономическую и интеллектуальную элиту азербайджанской нации. И это отразилось в работе над программой политической партии «Иттифак», авторами которой оказались татары и азербайджанцы. К составлению программы партии мусульман Российской империи «иттифаковцы» приступили сразу после провозглашения Манифеста 17 октября 1905 г. В совещании по этому вопросу в Санкт-Петербурге приняли участие азербайджанцы А.-М. Топчибашев и А. Агаев и татарин Г.-Р. Ибрагим, они и стали одними из основных авторов документа.

Партия мусульман приняла участие в выборах в Государственную Думу. Лидеры «Иттифак аль-Муслимин» стали ядром мусульманской фракции первого российского парламента, в которой были представители от всех мусульманских регионов империи: Крыма, Кавказа, Средней Азии и Казахстана, Волго-Уральского региона. При безусловной поддержке татарских общественных деятелей председателем фракции был избран А.-М. Топчибашев.

В период деятельности I Государственной Думы в среде депутатов-мусульман сформировалось «Общество автономистов» (сторонников территориальной автономии мусульман по образцу Великого княжества Финляндского). И здесь мы также видим единство мыслей татарских и кавказских мусульман, в общество вошли азербайджанец А. Агаев, татары Г.-Р. Ибрагим, Ш.-А. Сыртланов и С.-Г. Джантюрин [5, с. 204–206].

Уже в августе 1906 г., на III Всероссийском мусульманском съезде в Нижнем Новгороде делегатами обсуждается вопрос о типе автономии мусульман России. Среди предлагавшихся к реализации вариантов наиболее прогрессивной являлась модель развития мусульман Закавказья (азербайджанцев) – территориальной автономии. Эта модель воспринималась другими мусульманскими народами империи как ориентир развития мусульманских народов в границах российской государственности. При этом сразу возникал вопрос о контроле над землей, так как любая территориальная автономия требовала наличие земельного фонда.

А.-М. Топчибашев представил на съезде программу «Иттифак» и сделал главный доклад по этому вопросу. Всем гражданам предполагаемого конституционного правового государства предоставлялись равные права, без различия национальной и конфессиональной принадлежности. Государственно-правовые вопросы в программе решались в соответствии с программой партии конституционных демократов (кадетов). Вопросы религиозного содержания (*никах, талак, мирас*) должны были решаться специально учреждаемыми шариатскими судами. Во многих вопросах государственного устройства, авторы программы «Иттифак», обращались к программе конституционных демократов (кадетов). В частности, рабочий и аграрный вопросы практически

полностью решались на основе кадетской программы. Но была одна поправка – земельный фонд передавался в ведение местных органов самоуправления, в которых мусульмане имели право участия, равно как и представители всех других национальностей и конфессий.

Отдельного внимания заслуживает раздел Программы «Иттифак» о «*махалли мухтариат*» (под этим термином подразумевалась самоуправляющаяся община мусульман на местах, мусульманская автономия). Предполагалось, что территория государства будет разделена на области – *вилаяты*, которые в свою очередь делились на территориальные единицы следующего, низшего уровня.

В каждом вилайате избирался представительный орган – *меджлис*, имевший право издавать законодательные акты в пределах своей территории и компетенции. Все должности в местном управлении – выборные. Обязательность исполнения законов всего государства должен был контролировать чиновник, назначаемый из центра. Официальный язык в вилайате – язык представителей той национальности, которые составляли большинство в нем, но при этом гарантировалось право других национальностей на осуществление делопроизводства, просветительской и образовательной деятельности на своих родных языках. Таким образом, предлагался проект национально-культурной автономии.

Также предлагалась и экстерриториальная автономия (или религиозная автономия), аналогичная *системе миллетов* Османской империи. Согласно программе, мусульмане России получали возможность создания единого религиозного центра (Духовного управления), самостоятельного выбора духовенства и создания мусульманских обществ и общин. Под исключительный контроль мусульман передавались благотворительные организации, вакуфы, образовательные учреждения (мектебе и медресе), мечети, места поклонения [6].

Таким образом, А.-М. Топчибашев предложил создание не только религиозной автономии, но и переход к созданию широкого местного самоуправления, которое стало бы переходным этапом к территориальной автономии. Большинство присутствовавших на съезде делегатов, тем не менее, доклад Топчибашева, восприняли как программу будущего. Признанные лидеры мусульманского движения И. Гаспринский и Ю. Акчура высказались, что основным ориентиром политического развития для мусульман империи должно стать объединение всех мусульман «вокруг органа религиозной автономии, а не партийной программы» [4, с. 128–129].

Поражение первой русской революции привело к общему спаду политической активности в государстве. Отразилось это и на мусульманском движении. Некоторые лидеры мусульманского движения покинули Россию после 1907 г. Но, в целом, период революции позволил российским мусульманам консолидироваться, сформулировать свои политические запросы, предложить варианты их решения. Окончательно определились лидеры, среди которых главную роль играли мусульмане Волго-Уральского региона и Кавказа.

Муса Биги в 1914 г. писал о мусульманском движении 1905–1907 гг.: «У нас, без сомнения, движение началось. В этом общем общественном движении проявились силы в участии многих людей, среди них усилия пяти -- десяти человек были значительными и благословенными. Нация без сомнения выиграла. Утрата из-за эмиграции таких национальных лидеров как Рашид Ибрагим, Али-Мардан Топчибашев, Мухаммед Шахтахтинский и Ахмед Агаев невозместима» [7, с. 20–21]

Сформулировав идею о необходимости создания своей автономии, мусульмане сталкиваются с необходимостью решения земельного вопроса. На протяжении столетий российская имперская политика практиковала широкую раздачу земель коренных народов, без учета их интересов коренного населения. В этой связи, представляет интерес тот факт, что мнения представителей Волго-Уральского региона и Кавказа сошлись.

В I и II Государственных Думах разгорелась велась оживленная полемика по вопросу конфискации земель у мусульман Российской империи. В Думе Первого созыва активную позицию по вопросу о необходимости возвращения конфискованных башкирских земель занял депутат от Уфимской губернии член ЦК партии «Иттифак аль-Муслимин» Шах-Айдар Сыртланов, выступив по этому вопросу с трибуны парламента 2 июня 1906 г. [8, с. 923] В Думе Второго созыва особо ярко прозвучало выступление депутата, учителя из Уфимской губернии, представителя «мусульманской трудовой группы» («думачы») Калимуллы Хасанова. 16 мая 1907 г. он выступил с трибуны с протестом против конфискации земель Башкирско-Мещеряцкого войска площадью более двух миллионов десятин земли: «Если нам наши земли, отобранные правительством, не будут возвращены, мы все меры будем принимать к тому, чтобы эти земли обратно отобрать» [9, стб. 641].

На заседании II Государственной думы 16 мая 1907 г. член мусульманской фракции, казах из числа потомков чингизидов, Бахытжан Каратаев заявил: «пусть помнит Государственная Дума, что киргиз-кайсаки... всегда сочувствуют всем оппозиционным фракциям, которые желают принудительного отчуждения частновладельческих земель для удовлетворения крестьянского земельного голода. Но имейте в виду то, что в настоящее время выселяют киргизов не с земель, а из жилых домов для того, чтобы освободить их места для русских крестьян». [9, стб, 43–45].

Представители казахов и башкир были недовольны ситуацией, когда их земли были объявлены государственной собственностью и постепенно стали переходить в руки православных помещиков, казаков и крестьян. 22 марта 1907 г. депутаты II Государственной думы от казахов выступили против «разграбления своих земель»¹.

Требование решить аграрный вопрос с парламентской трибуны в соответствии с интересами коренных народов последовательно высказывали и представители Кавказа, например, делегат от Терской области, чеченец Таштемир

1 Дума тиресенде // Вакыт. – № 152-1907. – 29 марта.

Эльдарханов. Он выражал наиболее радикальную точку зрения на аграрный вопрос, подписал «Проект 33-х» (Проект Основного земельного закона, внесенного по предложению социалистов-революционеров в I Государственную Думу). В Проекте предлагалось: «1) Закон о земле может быть издан только полноправной Народной Думой, избранной всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием при свободе выборов и после обсуждения земельной реформы на местах на таких же условиях». В разделе «Основы закона о земле» предполагалось упразднить всякую частную собственность на землю в Российской империи; всю землю, ее недра и воды объявить общей собственностью всего населения Российского Государства. [8, С. 1153-1156]

Причины такой позиции Т. Эльдарханов раскрыл в своем выступлении по аграрному вопросу 3 мая 1907 г. (уже в период деятельности II Государственной Думы). Депутат заявил, что вся Терская область «делится на две части: па плоскостную и на горную. В плоскостной части острую земельную нужду испытывают чеченцы и ингуши», где приходится «на одну мужскую душу от двух до трех десятин земли, считая в том числе и неудобный. Но трудно себе представить более худшие условия, какие имеются налицо в нагорной полосе области». Подводя итог, Т. Эльдарханов отметил особо, что решение аграрного вопроса непосредственно связано с вопросами политической свободы и подлинным народным местным самоуправлением: «Что же касается условий пользования землей, то мы должны будем отстаивать принцип общинной собственности. Я кончаю свое слово указанием на то, что живое дело аграрной реформы должно быть перенесено на места и отдано в руки местных земельных комитетов. Но для того, чтобы последние сыграли должную роль и разрешили бы аграрный вопрос во всей его широте и в духе принципов, которые будут установлены Государственной Думой, необходимо предпослать этой реформе широкое местное самоуправление и узаконить основные свободы [9, стб. 76–79].

На заседании III Государственной думы 17 октября 1908 г. депутат от Закавказья азербайджанец Хас-Мамедов от имени мусульманской фракции выступил против Указа 9 ноября 1906 г. разрушающего крестьянские общины [10, с. 969]. В Заявлении фракции указывалось, что община во мних местностях сохранила свою жизнеспособность и является «более целесообразной формой землепользования» [10, стб.1307].

У мусульман были серьезные опасения, что, выйдя из общины, российские крестьяне, отправятся на национальные окраины, и власти будут их наделять на местах землей за счет ущемления земельных прав коренного населения. В течении всего межреволюционного периода депутаты-мусульмане в Государственной Думе последовательно выступали против переселенческой политики.

В преддверии Первой мировой войны, в условиях относительной политической либерализации в стране, лидеры мусульманского общественного движения, возвращаются к активной деятельности. 15–25 июня 1914 г., в последние спокойные дни в стране, в столице – Петербурге – собрался IV Всероссийский Мусульманский съезд (после 8 лет перерыва). Съезд собрал представителей от мусульманских

регионов империи. Мусульман Волго-Уральского региона представляли Абусугут Ахтямов, Хасан-Гата Габяши, Садри Максуди, Ризаэтдин Фахретдин, Муса Биги, Кутлуг-Мухаммед Тевкелев; казахов – Алихан Букейханов; крымских татар – Муштафа Давидович; азербайджанцев – Али-Мардан Топчибашев. Основным вопросом на съезде был вопрос о реформе Духовного Собрания мусульман.

Садри Максуди выступил с программной речью. В ней прозвучала уже известная идея о необходимости создания для российских мусульман единого Духовного управления во главе с выборным главой – Раис аль-улам. Но все попытки С. Максуди уговорить делегатов съезда принять политическую программу партии, оказались тщетными².

Не было поддержано и предложение восстановить «Иттифак аль-Муслимин» как политическую партию. Мусульманская элита Российской империи, таким образом, оказалась неспособной отойти от культурно-просветительской к политической форме движения. Итогом стал своеобразный идейный раскол. Татары все больше концентрируются на внутриэтнических проблемах, переходят к проблемам конструирования татарской нации. Азербайджанцы и крымские татары придерживаются идеи политической ориентации на Турцию, как лидера тюрко-мусульманского мира.

На такую позицию азербайджанцев большое влияние оказало насилие в отношении мусульман Карской области, начавшееся с 1915 г. 3 ноября 1916 г. азербайджанский депутат Мамед Юсуф Джафаров, выражая официальное мнение всей мусульманской фракции Думы, поддержал мнение лидера партии кадетов Павла Милюкова об отрицательной роли царского правительства и самодержавия в современных политических процессах. Джафаров заявил: «Никогда мрачная политика национального угнетения не достигала таких размеров, как в настоящее время освободительной войны». Депутат говорил о жертвах волнений в Степях и Туркестане. В заключении своей речи он призвал: «Мы считаем, что необходимо немедленно возвестить всем народам России светлую эру их грядущего национального возрождения... [Это] создаст уверенность, что несомненные инородцами на алтарь отечества неисчислимые жертвы раскроют перед нами двери к равноправной общественно-политической жизни» [11, с. 84–86].

Речь М.Ю. Джафарова по сути, резюмировало состояние «мусульманского» вопроса в Российской империи в период деятельности Государственной Думы всех четырех созывов. Ни о каком признании равных прав подданных-мусульман в России говорить на тот момент было нельзя. Царское правительство так и не выполнило обещаний 1905–1907 гг.: мусульмане так и не дождались создания государственной национально-конфессиональной школы, не была проведена реформа ОМДС. Национальные и политические группы российских мусульман во всех регионах открыто выражали свое недовольство консервацией старых порядков. Вылилось это в безусловную поддержку мусульманами идеи свержения самодержавия.

² Терегулов И. Очерки революции и общественного движения мусульман России. К 1926. // ОРК НБЛ КФУ. 3881. Л. 39.

Выступление депутата М.Ю. Джафарова – последнее в истории мусульманской фракции имперской Государственной Думы. «Декларация об отмене всех ограничений по национальному и религиозному признаку» была принята Временным правительством, решив вопрос о равноправии. Февральская революция поставила на повестку дня вопрос о необходимости созыва мусульманского съезда и решения на нем главного политического вопроса – о государственном устройстве и автономии мусульман в рамках новой российской государственности.

4 апреля 1917 г. на заседании Казанского мусульманского комитета была озвучена телеграмма петроградского студенческого общества «Татар учагы» («Очаг татарина»), в которой было предложение созвать татарский национальный съезд в Казани после 22 апреля. В свою очередь, в Уфе (где располагалось ОМДС), прошел губернский мусульманский съезд, на котором признанные лидеры Зия Камали, Галимджан Ибрагимов и Гилемдар Баимбетов выступили с предложением провести съезд мусульман Внутренней России до созыва Учредительного собрания, чтобы сформулировать свою программу и задачи, предложения и рекомендации для мусульман-делегатов последнего.

Новость о том, что в Казани планируется съезд быстро облетела умму. Мусульманские комитеты и бюро в городах Волго-Уральского региона поддерживали идею в своих телеграммах. Неожиданно пришла телеграмма из Баку от А.-М. Топчибашева с согласием на проведение съезда. Стало понятно, что созывать надо не региональный, а общенациональный съезд.

В итоге, окончательное решение о созыве общероссийского съезда было принято мусульманским бюро в Петрограде [8, с. 289–291]. Вместе с тем, для многих мусульман бывшей империи решение о созыве всероссийского съезда, прежде чем состоятся съезды региональные, на которых будут сформулированы свои вопросы и задачи, казалось преждевременным. История показала, что действительно, решение было поспешным и нужно было провести региональные съезды, не следовало переходить к решению общероссийских мусульманских проблем до обсуждения проблем каждого из мусульманских народов.

1–11 мая 1917 г. в Москве состоялся Всероссийский мусульманский съезд. Он проходил на средства татарской буржуазии, и, во многом, татары «контролировали» его повестку дня. Представители Волго-Уральского региона составили большинство в главных комиссиях. Впрочем, это повторяло ситуацию съездов «Иттифак» 1905–1906 и 1914 гг., и тогда это воспринималось делегатами других регионов спокойно. Но в 1917 г. делегаты съезда – представители национальных окраин – не согласились со сложившейся ситуацией, каждый из делегатов выступал за то, чтобы интересы его народа (национальные интересы) обсуждались и решались в первую очередь, зачастую без учета общемусульманских задач. В этом был главный просчет лидеров мусульман России – они созвали общероссийский съезд, не дождавшись проведения национальных региональных съездов.

В создавшейся ситуации результат съезда оказался предсказуем. Идея политического, административного и экономического единства мусульман России – идея единой тюрко-мусульманской нации, которую в свое время сформулировали И. Гаспринский и его последователи, потерпела фиаско. Съезд не сумел утвердить концепцию единства.

Российские мусульмане разных регионов огромной империи пошли по пути создания отдельных наций на основе региональных этнических групп. Поэтому все резолюции, которые были приняты на съезде, в действительности представляли собой декларации, не имевшие никакого механизма реализации на практике. Единственным исключением стала резолюция об автономии.

Несмотря на то, что большинство на съезде составляли татары, председателем съезда был избран Ахмед Цаликов, кавказец – осетин, представлявший социал-демократическое крыло мусульманского движения. Но он не был достаточно авторитетной политической фигурой и не сумел сформировать большинство на съезде, которое бы поддержало проект экстерриториальной автономии.

В резолюции А. Цаликова, поддержанной меньшинством съезда, предлагалось: «1. Россия должна представлять демократическую децентрализованную парламентскую республику с широким областным самоуправлением Кавказа, Туркестана, степных областей и Сибири. 2. Культурно-национальная автономия должна быть гарантирована конституцией страны как публично-правовой институт». Теоретически идеи А. Цаликова были ориентированы на эволюцию общества, где предполагалось развитие рабочих организаций, обеспечение равноправия женщин.

Азербайджанский делегат Эмин Расул-Заде предложил другую резолюцию, которую в итоге, поддержало большинство (за – 446 голосов, против – 271). Формой государственного устройства России в этом документе провозглашалась «демократическая республика на национально-территориально-федеративных началах» Для регулирования «духовно-культурных вопросов... учреждался центральный общемусульманский орган для всей России с законодательными функциями в этой области» [12, с. 101, 103]. Таким образом, в общей компетенции оставалась лишь только религиозная сфера.

По предложению азербайджанца М. Расул-заде большинство делегатов высказалось за территориальную автономию. В итоге, вопрос о форме автономии и будущем мусульман в государстве перешел с общегосударственного уровня на региональный. Представителям отдельных национальностей – мусульманам, теперь самим предлагалось решать этот вопрос.

Резолюция большинства о федерализации России обозначала консервацию ситуации, когда сохранялся контроль традиционной элиты над обществом. Соглашаясь, в целом, с решением съезда и программой М.Э. Расулзаде, представитель региона Идель-Урал Галимджан Ибрагимов призвал к созданию пяти отдельных штатов: Казахстана, Кавказа, Туркестана, Татарстана и Крыма³.

3 Меркеземез // Ирек. – 1917. – 15 июня

Татарский политик настаивал и на том, что следует обязательно сохранять и развивать экономические и политические отношения между мусульманами разных регионов, не делая при этом особого акцента на религиозном и культурном единстве.

На I Всероссийском мусульманском съезде были созданы органы управления: представительный (*Мэркэз Милли Шуру* – Центральный (Всероссийский) Национальный Совет) и исполнительный (Исполнительный комитет (*Милли Шуру* – *Искомус*) российских мусульман. В период правительственного кризиса в июле 1917 г. Искомус предложил ввести представителей от мусульман в состав Временного правительства. Так на должность министра земледелия предлагался Мухамеджан Тынышпаев, на должность министра без портфеля по делам мусульман – Ахмед Цаликов, на должности товарища министра внутренних дел – Али-Мардан Топчибашев, просвещения – Джафар Сейидамет, юстиции – Садри Максуди. Как видим, и в этом проекте ведущая роль отводилась представителям Волго-Уральского региона и Кавказа.

Но Временное правительство отклонило это предложение [13, с. 109]. Искомус превратился фактически в представительство татарских национально-автономных органов при центральных органах власти в Петрограде. Таким образом, представители мусульман Волго-Уральского региона и Закавказья не были включены в структуру всероссийской исполнительной власти, что также способствовало усилению регионалистских, а затем и ирредентистских настроений.

Таким образом, на I Всероссийском мусульманском съезде в мае 1917 г. представители окраин выступали за федерирование своих областей. В лице представителей азербайджанцев мы видим логическое продолжение деятельности по расширению автономии. Речь шла вначале о собственном духовном управлении, затем религиозной автономии, широком областном самоуправлении с созданием национально-культурной автономии, и наконец, о превращении России в федеративную республику.

Провозглашение Азербайджанской Демократической Республики стало высшей точкой в развитии политического движения мусульман бывшей Российской империи в начала прошлого века. Однако стоит целостно рассматривать феномен эволюции политического движения российских мусульман, выступавших за сочетание религиозной, национально-культурной и территориальной автономии. Причем движение шло именно по этому направлению в сторону провозглашения территориальных автономий в Волго-Уральском регионе, Казахстане, Средней Азии, Северном Кавказе, Закавказье и в Крыму. Поэтому необходимо помнить о сотрудничестве и взаимном влиянии мусульманских народов бывшей Российской империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Хабутдинов А.Ю. История Оренбургского Магометанского Духовного Собрания (1788-1917): институты, люди, идеи. – М. – Нижний Новгород: ИД Медина, 2010. – 208 с.
2. Ислам в Российской империи (Законодательные акты, описания, статистика) // сост. Арапов Д.Ю. – М., 2001. – 367 с.
3. Биги М. Ислахат асалары. – Пг., 1917 – 585 с.
4. 1906 сэнэ 16-21 августта ижтимаг итмеш Русия Муселманнарынын нэдвэсе. – Казань, 1906. – 172с.
5. Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX веков. – Казань: Идель-Пресс, 2001. – 383 с.
6. Топчибашев Г.-М. Русия моселманлары иттифакынын программасы. – СПб., 1906. – 16 с.
7. Биги М. Муляхиза. – Пг., 1914. – 72 с.
8. Государственная Дума: Стенографические отчеты: Созыв 1: Сессия 1: Т.2. – СПб.: Государственная типография, 1906. – 2013 с.
9. Государственная Дума: Стенографические отчеты: Созыв 2: Сессия 2: Т.2. – СПб.: Государственная типография, 1907. 1610 стб.
10. Государственная Дума: Стенографические отчеты: Созыв 3: Сессия 2: Ч.1. – СПб.: Государственная типография, 1907. С. 1307. 1610 стб.
11. Государственная Дума: Стенографические отчеты: Созыв 4: Сессия 5. – Пг., 1917. – 904 с.
12. 100-летие Образования Татарской АССР»: Сборник документов и материалов: В 3 Т. / Авт.-сост. З.С. Миннуллин, науч. ред. Р.Р. Фахрутдинов., Р.Р. Хайрутдинов. – Казань: Заман, 2017. Т.1. – 520 с.
13. Давлетшин Т. Советский Татарстан: Теория и практика ленинской национальной политики. – Лондон: Our word, 1974. – 392 с.

Статья поступила в редакцию 28.11.2020 г.

1. Khabutdinov AY. History of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly (1788-1917): institutions, people, ideas [Istoriya Orenburgskogo Magometanskogo Dukhovnogo Sobraniya (1788-1917): instituty, lyudi, idei]. Moscow - Nizhny Novgorod: ID Medina, 2010:208. (In Russ.)
2. Islam in the Russian Empire (legislative acts, lists, statistics) [Islam v Rossiyskoy imperii (Zakonodatel'nyye akty, opisaniya, statistika)] / comp. Arapov D.Y. Moscow, 2001. (In Russ.)
3. Bigi M. Islahat asalary. Pg., 1917. (In Tatar)
4. 1906 Sene August 16-21 Izhtimag itmesh Rusia Muselmannarynyn nedvese. Kazan, 1906. (In Tatar).
5. Khabutdinov AY. Formation of the nation and the main directions of development of the Tatar society in the late 18th – early 20th centuries [Formirovaniye natsii i osnovnyye napravleniya razvitiya tatarskogo obshchestva v kontse XVIII - nachale XX vekov]. Kazan: Idel-Press, 2001. (In Russ.)
6. Topchibashev G-M. Program of the Russian Muslim Union [Rusia moselmanlary ittifakynin programmasy]. Saint Petersburg, 1906. (In Russ.)
7. Bigi M. Mulyahiza. Pg., 1914. (In Tatar).
8. State Duma: Verbatim records: Convocation 1: Session 1: Vol. 2 [Gosudarstvennaya Duma: Stenograficheskiye otchety: Sozyv 1: Sessiya 1]. Saint Petersburg: State Printing House, 1906. (In Russ.)
9. State Duma: Verbatim Records: Convocation 2: Session 2: Vol. 2 [Gosudarstvennaya Duma: Stenograficheskiye otchety: Sozyv 2: Sessiya 2: T.2.]. Saint Petersburg: State Printing House, 1907. (In Russ.)
10. State Duma: Verbatim Records: Convocation 3: Session 2: Part 1 [Gosudarstvennaya Duma: Stenograficheskiye otchety: Sozyv 3: Sessiya 2: CH.1]. Saint Petersburg: State Printing House, 1907: 1307. (In Russ.)
11. State Duma: Verbatim records: Convocation 4: Session 5 [Gosudarstvennaya Duma: Stenograficheskiye otchety: Sozyv 4: Sessiya 5]. Pg., 1917. (In Russ.)
12. 100th anniversary of the Formation of the Tatar ASSR: Collection of documents and materials: In 3 vol. [100-letiyе Obrazovaniya Tatarskoy ASSR»: Sbornik dokumentov i materialov: V 3 T] / Auth.-comp. ZS. Minnullin, scient. ed. RR. Fakhrutdinov., RR. Khairutdinov. Kazan: Zaman, 2017. Vol. 1. (In Russ.)
13. Davletshin T. Soviet Tatarstan: Theory and practice of Lenin's ethnic policy [Sovetskiy Tatarstan: Teoriya i praktika leninskoy national'noy politiki]. London: Our word, 1974. (In Russ.)